

С Л О В О

о значеніи и силѣ вѣры¹⁾.

*Да не смущается сердце ваше:
вѣруйте въ Бога, и въ Меня вѣруйте.*
Юанн. 14, 1.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ и началъ и закончилъ свое общественное служеніе призывомъ къ *вѣрѣ*. Возвѣщая людямъ приближеніе царствія Божія, Онъ говорилъ: покайтесь и *вѣруйте* въ Евангеліе (Мрк. 1, 15); Онъ ублажалъ проявленія непоколебимой вѣры въ Него: на слова сотника, просившаго Господа объ исцѣленіи слуги,—Господи! я недостойнъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой, но скажи только слово, и выздоровѣетъ слуга мой,—Христосъ сказалъ идущимъ за Нимъ: истинно говорю вамъ, и въ Израилѣ не нашелъ Я такой *вѣры* (Мѡ. 8, 8. 10); Онъ упрекалъ Своихъ учениковъ въ слабости вѣры: что вы такъ боязливы? какъ у васъ нѣтъ *вѣры*? (Мрк. 4, 40); ободряя учениковъ предъ Своими страданіями, Онъ говорилъ имъ въ прощальной бесѣдѣ: да не смущается сердце ваше: *вѣруйте* въ Бога, и въ Меня *вѣруйте* (Ин. 14, 1); наконецъ, по воскресеніи Своемъ, явившись ученикамъ, возлежавшимъ на ве-

¹⁾ Произнесено въ церкви Кіево-Братскаго монастыря 22 марта 1902 года, при воспоминаніи страстей Христовыхъ.

чери, Господь упрекалъ ихъ за невѣріе,—за то, что видѣвши Его воскресшимъ не повѣрили,—и внушительно указалъ на спасительное значеніе вѣры: иже *вѣру* иметь и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметь *вѣры*, осужденъ будетъ (Мрк. 16, 15—16).

Что же есть вѣра вообще и вѣра христіанская въ частности?

Вѣра—это живое и непоколебимое убѣжденіе въ истинности чего-либо, переступающее границы того, что можно доказать фактами или соображеніями разума,—убѣжденіе, проникающее собою все существо человѣка, сдѣлавшееся основнымъ началомъ его мысли и жизни. Это—убѣжденіе *непоколебимое*, исключаящее даже тѣнь сомнѣнія: вѣра и сомнѣніе—состоянія несовмѣстимыя. „Сомнѣвающийся,—по слову апостола,—подобенъ морской волнѣ, вѣтромъ поднимаемой и разбиваемой“ (Іак. 1, 6); иное дѣло—вѣрующій: онъ стоитъ на камнѣ и потому недоступенъ ударамъ волнъ (Златоустъ). Вѣра—это убѣжденіе, переступающее границы того, что можно доказать фактами или соображеніями разума: это—„вещей обличеніе *невидимыхъ*“ (Евр. 11, 1), т. е. увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, и въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ. Напримѣръ,—разъясняетъ нашъ покровитель и молитвенникъ, святитель Димитрій Ростовскій,—„не видимъ мы Бога, потому что Бога никтоже видѣ нигдѣже, но несомнѣнно вѣруемъ, что Богъ есть,—это и есть вѣра. Не видимъ Спасителя нашего на небѣ съ прославленною плотію, а несомнѣнно сему вѣруемъ,—это и есть вѣра. Не видимъ очами Бога нашего, вездѣ сущаго и всегда присутствующаго съ нами, но вѣримъ тому,—это и есть вѣра. Не видимъ Духа

Святаго, сходящаго во св. крещеніи и въ прочихъ таинствахъ церковныхъ, а вѣруемъ, что Духъ Святыи сходитъ и совершаетъ все таинства церкви,—это и есть вѣра. Не видимъ мы вѣнцовъ славы небесной, приготовленныхъ для тѣхъ, которые любятъ Бога, не видимъ и адскихъ мученій, приготовленныхъ для нераскаянныхъ грѣшниковъ, однако же вѣруемъ тому, что каждому будетъ воздаяніе по дѣламъ его: для добрыхъ доброе, для злыхъ злое,—это и есть вѣра. Однимъ словомъ, вѣра есть извѣщеніе вещей невидимыхъ. Напротивъ, все, что очи наши видятъ и руки осязаютъ“, равнымъ образомъ и то, что опирается на доводы разума, имѣющіе для насъ принудительную силу, не есть вѣра. Не то это значить, чтобы вѣра шла наперекоръ тому, что основывается на очевидныхъ фактахъ или на несомнѣнныхъ предположеніяхъ нашего разума; не то это значить, чтобы вѣра по самой своей природѣ противорѣчила научному знанію, будетъ ли то знаніе опытное или умозрительное. Если бы вѣра по самой природѣ противорѣчила знанію, тогда въ душѣ человѣка царилъ бы вѣчный разладъ, но такой разладъ прежде всего убивалъ бы вѣру, потому что гдѣ нѣтъ гармоніи, согласія, тамъ нѣтъ и настоящей вѣры, непоколебимой и дѣйственной. Нѣтъ, вѣра не только не идетъ наперекоръ знанію, но ищетъ тѣснаго союза съ нимъ: получая разъясненіе и подтвержденіе со стороны знанія, она въ свою очередь одушевляетъ насъ къ работѣ, направленной къ расширенію и углубленію знанія. „Знаніе и вѣра—это два цвѣтка, выросшіе изъ одного и того же корня. Сорвите одинъ изъ нихъ --погибнетъ и другой: знаніе безъ вѣры будетъ сомнѣніемъ и отчаяніемъ, вѣра безъ знанія превратится въ мечту, въ суевѣріе, въ бредъ“. Хо-

тите слышать голосъ *знанія*, направленный въ защиту вѣры,—припомните изреченіе древняго языческаго мудреца (Гераклита): „если нѣтъ у тебя надежды (а надежда родная сестра вѣры)—ты не найдешь того, на что не надѣешься,—оно будетъ тебѣ казаться непостижимымъ и недоступнымъ“. Хотите слышать голосъ *вѣры*, утверждающій значеніе знанія,—припомните слова возлюбленнаго ученика Христова: „О томъ, что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали, и что осязали руки наши,—о томъ возвѣщаемъ вамъ“ (1 Ин. 1, 1. 3). Такъ, вѣра не противорѣчитъ тому, что основано на фактахъ или соображеніяхъ разума, мало того: она ищетъ въ нихъ подтвержденія; однако не въ этихъ доказательствахъ—ея исходища, ея глубочайшія основанія: ея источникъ—въ исконномъ, неискоренимомъ стремленіи человѣческаго духа къ тому, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна* (Филипп. 4, 8); ея основанія—не въ одномъ только разумѣ (вѣра, взятая во всей широтѣ своего содержанія, не можетъ быть доказана такъ, какъ доказывается какое-либо математическое положеніе), а во всей полнотѣ внутренней жизни человѣческаго духа,—въ той цѣльности, энергіи и гармоніи духовной жизни, которыя обуславливаютъ собою вѣру. Спросите глубоко и искренно вѣрующаго человѣка. гдѣ основаніе его вѣры въ Бога,—онъ вамъ отвѣтитъ: „вся внутренняя моя рекутъ: Ты, Боже, часть моя во вѣкъ! Тебя ищетъ душа моя, Тебя жаждетъ сердце мое, Тобою горитъ вся внутренность моя!“... Вотъ почему вѣра является самымъ яркимъ выраженіемъ личности. Конечно, и природа, и происхождение, и образование кладутъ свою печать на человѣческую личность, но нѣтъ печати ярче той, которую

налагаетъ на человѣка его вѣра: вѣра раздѣляетъ лицъ связанныхъ кровною связью („Думаете ли вы,—говорилъ Спаситель,—что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе, ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ стануть раздѣляться, трое противъ двухъ, и двое противъ трехъ: отецъ будетъ противъ сына, и сынъ противъ отца; мать противъ дочери, и дочь противъ матери; свекровь противъ невестки своей, и невестка противъ свекрови своей“), и—наоборотъ—объединяетъ людей разнаго происхожденія и образованія: разъ одинъ человѣкъ другому сказалъ со всею силою искренняго убѣжденія: „твой Богъ—мой Богъ“, между ними уже установилось самое прочное единеніе, какое только можно представить, и если вы узнали, какой вѣры держится извѣстное лицо въ глубинѣ своей души,—вы вошли въ его „святая святыхъ“, вы проникли въ самую глубь внутренней жизни человѣка. Переменить вѣру (если только это дѣйствительно вѣра, а не одна ея видимость)—это значитъ измѣнить весь строй своей душевной жизни, и если галилейскіе рыбаки, не только лишенные внѣшней поддержки со стороны науки или государства, но гонимые и часто презираемые, привели міръ къ подножію креста, это—явный знакъ, что христіанство—не отъ человѣкъ, а отъ Бога, и людямъ его не разрушить (Дѣян. 5, 38—39).

Видите, братіе: вѣра—это не теоретическое только признаніе истинности за извѣстнымъ положеніемъ, это—живое убѣжденіе въ непреложной истинности „вещей невидимыхъ“,—убѣжденіе, проникающее собою все существо человѣка, проявляющее себя во всей его дѣятельности. Здѣсь залогъ великаго жизненнаго значенія вѣры. Что за польза въ словѣ слышанномъ, если оно не растворено *върою* слышавшихъ (Евр. 4, 2)?

Но если слово породило среди слышавшихъ вѣру— живое и глубокое убѣжденіе въ истинности слышаннаго, оно ввело въ ихъ жизнь начало движенія, преобразующаго жизнь, оно стало тою малой, но дѣйственной закваской, которая производитъ броженіе въ тѣстѣ. Да, вѣра—начало движенія, начало жизни, начало въ такой мѣрѣ важное и существенное, что гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ и жизни: безвѣріе—это тотъ неусыпающій червь, который подтачиваетъ духовную жизнь въ самомъ ея корнѣ. Безъ вѣры шагу нельзя ступить.—въ этомъ согласны и богословы, и философы (напр., Локкъ). „Не только у насъ, которые носимъ имя Христова, за великое почитается вѣра,—говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій,—но и все то, что совершается въ мірѣ даже людьми чуждыми церкви, совершается вѣрою. На вѣрѣ утверждается земледѣліе, ибо кто не вѣритъ тому, что соберетъ произросшіе плоды, тотъ не станетъ сносить трудовъ; вѣрою водятся мореплаватели, когда, ввѣривъ судьбу свою малому древу, непостоянное движеніе волнъ предпочитаютъ твердѣйшей стихіи—землѣ, передаютъ самихъ себя неизвѣстнымъ надеждамъ и имѣютъ при себѣ только вѣру, которая надежнѣе для нихъ всякаго якоря“. А развѣ не вѣрою одушевляются тѣ лица, которыя отдають себя дѣятельности, направленной къ воспитанію отдѣльныхъ лицъ или къ преобразованію человѣческихъ обществъ,—пастыри, политики, воспитатели? Чѣмъ была бы пастырская или воспитательная дѣятельность безъ вѣры въ свое дѣло, безъ вѣры въ возможность нравственнаго улучшения человѣческой личности? Не чѣмъ инымъ, какъ сплошнымъ, невыносимымъ мученіемъ. Языческая древность не могла придумать для грѣшныхъ людей болѣе мучительнаго наказанія, нежели непрестанный

трудъ надъ такимъ дѣломъ, которое не имѣетъ ни какого смысла, напр., вливаніе воды въ бездонную бочку или вскатываніе на гору камня, который тотъ часъ снова скатывается внизъ. Не менѣе мучительно работать надъ такимъ дѣломъ, въ которое не вѣришь. Еще мучительнѣе влечить жизнь безъ вѣры въ людей, безъ вѣры въ торжество правды, безъ вѣры въ Бога. Тѣ изъ насъ, которые знакомы съ свѣтскою письменностью, знаютъ даровитаго англійскаго писателя, жившаго около ста лѣтъ тому назадъ; оставилъ онъ послѣ себя „свитокъ книжный, и въ томъ писана быша предняя и задняя, и вписано бяше въ немъ рыданіе, и жалость, и горе“. Гдѣ же причина той тоски, которая проникаетъ его творенія? Конечно тутъ не безъ значенія тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ пришлось жить и дѣйствовать воспримчивому писателю, но главная причина его тоски—въ отсутствіи вѣры,—вѣры въ людей, вѣры въ Бога. Повидимому, онъ и самъ сознавалъ это, когда говорилъ что лучше совсѣмъ не родиться на свѣтъ Божій чѣмъ отвергать слово Божіе, заключающееся въ Библии. Онъ понималъ значеніе вѣры, но не имѣлъ ея отсюда—безысходная тоска, проникающая его гениальныя творенія. Видно, гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ и отрады: не даромъ невѣріе часто приводитъ къ самоубійству. Наоборотъ, гдѣ—вѣра, тамъ—и надежда потому что, по апостолу, въ вѣрѣ—сущность и опора надежды (Евр. 11, 1), а гдѣ надежда, тамъ и отрада терпѣніе, благодусіе въ перенесеніи страданій (ср. Евр. 6, 12; Апок. 13, 10). Гдѣ нѣтъ вѣры—тамъ смерть гдѣ вѣра—тамъ жизнь. „Вся исторія челоуѣчества есть не что иное, какъ вѣра, воплощенная въ дѣйствія и событіяхъ“. Чтобы убѣдиться въ этомъ прослѣдите шагъ за шагомъ исторію ветхаго за

вѣта: что было движущей и одушевляющей силой въ жизни и дѣятельности ветхозавѣтныхъ праведниковъ? Не что иное, какъ *вѣра*: „*вѣрою* Ной, получивъ откровеніе о томъ, что еще не было видимо, благоговѣя приготовилъ ковчегъ для спасенія дома своего; *вѣрою* Авраамъ повиновался призванію изыти на мѣсто, еже хотяше пріяти въ наслѣдіе, и изыде не вѣдый, камо грядетъ; *вѣрою* Моисей отказался называться сыномъ дочери Фараоновой, и лучше захотѣлъ страдать съ народомъ Божиимъ, нежели имѣть временное, грѣховное наслажденіе; *вѣрою* оставилъ онъ Египетъ, не убоявшись гнѣва царскаго, ибо онъ, *какъ бы видя Невидимаго*, былъ твердъ. И что еще скажу?—взываетъ апостоль: не достанетъ мнѣ времени, чтобы повѣствовать о Гедеонѣ, о Варакѣ, о Самсонѣ и другихъ пророкахъ, иже *вѣрою* побѣдиша царствія, содѣяша правду, получили обѣтованія, заградиша уста львовъ, угасиша силу огненную, избѣгоша острей меча, возмогоша отъ немощи, быша крѣпцы во бранехъ, обратиша въ бѣгство полки чуждыхъ; друзіи же руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницею, каменіемъ побіени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша, проидоша (скитались) въ милотехъ и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени; ихже не бѣ достоинъ весь міръ (тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ), въ пустыняхъ скитающесе, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастьехъ земныхъ. Всѣ сіи умерли въ *вѣрѣ*, не получивъ обѣтованій, а только издали видѣли оныя и радовались, и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ (Евр. 11, 7—8. 24—25. 27. 32—34. 36—38. 13). Какая поразительная сила *вѣры*! Не та же ли самая сила укрѣпляла апостоловъ среди тѣхъ болѣзней и трудовъ, которы-

ми сопровождался подвигъ апостольства? „Мы,—говорить апостоль Павелъ какъ бы отъ лица всѣхъ апостоловъ,—мы отъсюду притѣсняемы, но не стѣснены; мы въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаемъ“ (2 Кор. 4, 8—9). Гдѣ же основа той мужественной бодрости, которая проникаетъ апостольскіе труды? Въ *вѣрѣ*: „мы *вѣруемъ*, потому и говоримъ“,—говоримъ убѣжденно и безбоязненно; мы *вѣруемъ* (*вѣрою* бо ходимъ, а не видѣніемъ),—*вѣруемъ*, что „когда земной нашъ домъ, эта хижина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный“ (см. 2 Кор. 4, 13. 16; 5, 1), потому и не унываемъ въ самыхъ тяжкихъ обстояніяхъ,—мы всегда благодушествуемъ (2 Кор. 3, 6). Нужны ли еще доказательства въ подтвержденіе той могучей силы, какою обладаетъ *вѣра*? Да, *вѣра*—начало жизни: „праведный *вѣрою* живъ будетъ“, по слову апостола (Римл. 1, 17).

Таково, бр., значеніе *вѣры*: безъ *вѣры* жить нельзя, и это, какъ мы видѣли, сознавалось не только христіанскими, но и языческими, не только церковными, но и „свободными“ мыслителями. Правда, на зарѣ новой философіи съ особеннымъ воодушевленіемъ провозглашалось то положеніе, что сила не въ *вѣрѣ*, а въ знаніи: знаніе—вотъ сила. Кто спорить? знаніе—могучая сила, испытанная *вѣ*ками, однако позволительно спросить: что одушевляло тѣхъ лицъ, которыя безъ устали работали надъ расширеніемъ и углубленіемъ знанія? Не что иное, какъ *вѣра* въ могущество знанія, проникавшая все ихъ существо. Если такъ велико значеніе *вѣры* въ нашей жизни, то для насъ получаетъ чрезвычайно важное значеніе та

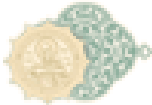
заповѣдь, которую даетъ апостолъ въ посланіи къ коринѳянамъ: „испытывайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы?“ (2 Кор. 13, 5). Въ самомъ дѣлѣ: въ вѣрѣ ли мы? есть ли у насъ такія убѣжденія, которыя проникали бы все наше существо, которыя были бы могучимъ рычагомъ нашей жизни, за которыя бы мы готовы были отдать свою жизнь? Однако и этого мало: цѣнность вѣры опредѣляется не только ея глубиною, силою и искренностью, но и достоинствомъ ея внутренняго *содержанія*: важно не только то, *какъ* мы вѣримъ, но и то, *во что* мы вѣримъ. Къ сожалѣнію, люди могутъ воодушевляться и двигаться не только истинною (по своему содержанію), но и ложною вѣрой, какъ тѣ сыны противленія, о которыхъ говоритъ апостолъ, что они возлюбили не истину, а неправду: „и за сіе пошлетъ имъ Богъ дѣйствіе заблужденія, такъ что они будутъ вѣрить лжи“ и въ этой ложной вѣрѣ обрѣтутъ не спасеніе, а погибель (2 Сол. 2, 10—12). Благодареніе Богу. „возлюбленные Господомъ братіе“: мы находимся не въ тѣхъ печальныхъ условіяхъ, въ какихъ будутъ жить сыны заблужденія; скорѣе мы напоминаемъ собою тѣхъ солунянъ, о которыхъ писалъ апостолъ, что „Богъ отъ начала, чрезъ освященіе Духа и вѣру истинъ, призвалъ ихъ ко спасенію“,—призвалъ благовѣствованіемъ апостольскимъ (ст. 13—14). Правда, мы не лицезрѣли апостоловъ и не слышали непосредственно ихъ проповѣди, но мы родились и воспитались въ той церкви, которая свято и нерушимо хранитъ въ своихъ нѣдрахъ апостольское благовѣствованіе, и потому можемъ сказать о себѣ: „видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную“. Это—та самая вѣра, которую завѣщалъ Христосъ своимъ ученикамъ, уготоляя Себя на вольныя стра-

данія: „вѣруйте, —сказалъ Онъ ученикамъ,—*вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте*“.

Вѣруйте въ Бога! Что же значитъ вѣровать въ Бога? Это значитъ признавать всеѣмъ своимъ существомъ, что міръ созданъ и управляется не слѣпыми стихійными силами, совершенно равнодушными къ добру и злу, къ спасенію и гибели человѣка, но Силою разумно-нравственною; что въ основѣ міровой жизни лежатъ не физическіе, а нравственные законы, обезпечивающіе конечное торжество добра и правды надъ зломъ и неправдой; что какъ ни могущественно вліяніе зла, какъ ни разрушительно господство смерти—въ концѣ концовъ восторжествуетъ добро надъ зломъ, жизнь надъ смертью: „тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою. Смерть! гдѣ твое жало? адъ! гдѣ твоя побѣда?“ (1 Кор. 15, 54—55). Вѣровать въ Бога—это значитъ вѣровать въ вѣчную жизнь въ непреходящемъ царствѣ правды, по слову Спасителя: „истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово Мое и *вѣрующій въ Пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную*“ (Ин. 5, 24).—Какъ велико значеніе для насъ *этой* вѣры! Каждый изъ насъ—не только учитель или ученикъ, купецъ или земледѣлецъ, семьянинъ или общественный дѣятель, но вмѣстѣ съ тѣмъ живой членъ великаго міра Божія, и потому каждый изъ насъ нуждается не только въ вѣрѣ въ свое частное, земное призваніе, но и въ такой вѣрѣ, которая бы опредѣляла его значеніе въ мірѣ, сообщала бы смыслъ его личному существованію въ экономіи міровой жизни, раздвигала бы тѣсный кругозоръ его собственнаго опыта, ободряла бы въ борьбѣ за добро и правду, открывала бы взоръ въ далекое будущее, разъясняла бы грозное таинство смерти. Все это дается намъ вѣрой въ Бога,

направляющаго міровую жизнь къ торжеству правды надъ неправдой, жизни надъ смертью: „мы,—говоритъ апостоль,—ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ *правда*“ (2 Петр. 3, 13). Вѣра въ наступленіе царства правды возлагаетъ на насъ высокое призваніе—работать надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ, надъ созиданіемъ царства Божія: если міровая жизнь не закончится разрушеніемъ этого земного міра, если мы вѣримъ въ неразрушимое царство правды, „кацѣмъ подобаетъ быти намъ во святыхъ пребываніяхъ и благочестіяхъ (какими должно быть во святой жизни и благочестіи вамъ), чающимъ и скорѣе быти желающимъ пришествія Божіяго дне“, восклицаетъ апостоль (ст. 11—12). Въ подготовленіи себя и другихъ къ этому великому дню, ко вступленію въ царство Божіе, и заключается смыслъ нашего существованія, какъ бы ни было незначительно то положеніе, которое мы занимаемъ въ мірѣ: всѣ мы—богатые и бѣдные, знатные и незнатные, ученые и неученые,—„всѣ мы—смиранные дѣлатели на великой нивѣ Божіей, единственной нивѣ, на которой возможно работать намъ рядомъ“... Итакъ, хотите осмыслить свою жизнь—вѣруйте въ Бога!

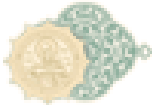
И во Христа вѣруйте. Тяжко бы было жить безъ вѣры во Христа, нашего Спасителя. Дѣло въ томъ, что вѣра въ Бога налагаетъ на насъ обязанность безраздѣльнаго служенія правдѣ; но кто же изъ насъ скажетъ, что онъ способенъ къ такому служенію? кто изъ насъ не переживалъ того душевнаго разлада, мучительную тяжесть котораго испыталъ и отмѣтилъ апостоль Христовъ: „не еже хошу—доброе—творю. но еже не хошу—злое—сіе содѣваю“ (Римл. 7, 19)? Богъ требуетъ отъ меня исполненія нравственнаго

закона, и я въ своей совѣсти признаю всю святость и непреложность такого требованія, но... не нахожу въ себѣ силъ для его осуществленія,—какая мучительная драма! Кто изъ пережившихъ эту драму не восклицалъ вмѣстѣ съ апостоломъ: „Бѣдный я человекъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ (Римл. 7, 24). Кто же? Не кто иной, какъ Христосъ Спаситель. „Насъ ради человекъ и нашего ради спасенія“, Онъ, Сынъ Божій, сошелъ съ небесъ, воплотился, обиталъ вмѣстѣ съ людьми, раскрылъ сущность нравственнаго закона, далъ высочайшій образецъ безраздѣльнаго исполненія воли Божіей, своими страданіями, смертью и воскресеніемъ положилъ начало новой жизни—святой и богоугодной, поставилъ насъ, грѣшныхъ, въ сыновнее отношеніе къ Богу, ниспослалъ намъ Духа Святаго, укрѣпляющаго насъ въ немощахъ нашихъ, ободряющаго въ уныніи, и все это—„да возведетъ падшаго человека въ первое состояніе“. О, сколько отрады въ вѣрѣ во Христа! Вѣровать въ Бога—значитъ быть убѣжденнымъ въ конечномъ торжествѣ правды надъ неправдой, но эта вѣра можетъ соединяться съ тяжкимъ сомнѣніемъ въ своихъ собственныхъ силахъ, въ своей личной пригодности для вступленія въ царство Божіе; вѣровать во Христа это значитъ признавать и для себя лично возможность послужить—въ тѣсномъ союзѣ со Христомъ и при благодатномъ содѣйствіи Святаго Духа, немощная врачующаго и оскудѣвающая восполняющаго—послужить созиданію царства Божія. Вѣровать въ Бога—это значитъ признавать существованіе внѣ насъ и независимо отъ насъ *правды*, какъ закона жизни; вѣровать во Христа—это значитъ живо сознавать, что и я, грѣшный, могу сдѣлаться причастникомъ той правды,—это значитъ вѣровать въ свое

оправданіе и спасеніе, вѣрвать въ непреложную истинность самыхъ отградныхъ словъ, когда-либо сказаннымъ падшему человѣку: то—слова нашего Спасителя: „сидохъ съ небесе, не да творю волю мою, но волю пославшаго Мя Отца; *се есть воля пославшаго Мя Отца да все, еже даде Ми, не погублю отъ него* (чтобы изъ того, что Онъ Мнѣ далъ, ничего не погубить), *но воскресу е въ послѣдній день*“ (Ин. 6, 38—39).

Таково—въ существенныхъ чертахъ—содержаніе той вѣры, которая завѣщена намъ Спасителемъ, какъ незыблемая основа безусловно цѣнной и непреходящей жизни. Это и есть та вѣра, которая въ смутныхъ чертахъ предносилась взору ветхозавѣтныхъ праведниковъ, одушевляла учениковъ Христовыхъ въ ихъ апостольскихъ трудахъ, укрѣпляла мучениковъ и исповѣдниковъ среди гоненій, раскрывалась въ твореніяхъ церковныхъ писателей и въ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ, сдѣлалась могучей силой, преобразовавшей нашу жизнь—и личную, и общественную, раздѣлившей исторію на двѣ эпохи—дохристіанскую и послѣ-христіанскую, покорившей Христу всѣ концы земли: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ,—вѣра наша!“ (1 Іоанн. 5, 4). Вѣра въ Бога, вѣра во Христа—наша жизнь, наша сила, наше сокровище; это—та драгоценная жемчужина, ради пріобрѣтенія которой—по словамъ притчи Христовой—богатый человѣкъ продаетъ всѣ свои другія сокровища. Такъ, бр., должно быть, но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Сознаемъ ли мы безусловную истинность и непреходящее значеніе нашей вѣры? много ли мы трудимся надъ уясненіемъ ея смысла, надъ соглашеніемъ ея содержанія съ требованіями разума, надъ ея защитой отъ нападковъ со стороны невѣрующихъ? служить ли

она для насъ тою закваской, тѣмъ началомъ, которое проникаетъ всѣ отправления нашей жизни? можемъ ли мы показать вѣру нашу отъ дѣлъ нашихъ? готовы ли мы для нея пожертвовать нашимъ земнымъ благополучіемъ, родственными связями, самою жизнію? Тѣмъ настоятельнѣе мы должны въ своей мысли и совѣсти подумать надъ этими вопросами, что и въ наши дни, какъ во времена апостоловъ, довольно громко раздаются голоса, направленные противъ христіанской вѣры: говорятъ, что христіанство съ его проповѣдью смиренія, самоотреченія, прошенія обидъ отжило свой вѣкъ, что пора его историческаго значенія миновала, что наступило время для новой вѣры,— вѣры не въ Бога, ставшаго человѣкомъ, а въ человека, становящагося богомъ. Настолько ли тверда наша вѣра, чтобы она не поколебалась среди современныхъ движеній въ области мысли и жизни, далеко не всегда благопріятныхъ апостольской вѣрѣ?

Братіе, бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь (1 Кор. 16, 13)!

Господи. умножь въ насъ вѣру (Лук. 17. 5)!

П. Кудрявцевъ.